

4. Местная канонизация исповедника Феодосия, игумена печерского, в 1091 г.

Подвергнув сомнению легитимность проведения канонизации Феодосия в августе 1091 г., Ю. Артамонов пришёл к выводу, что эта попытка оказалась неудачной из-за отсутствия согласия местного епископа, в данном случае митрополита киевского.

Действительно, киевская кафедра в то время вдовствовала, да и сам монастырь и епископы из печерян имели основания избегать прямого вызова митрополиту и его кафедральному клиросу подчёркиванием своей независимости. Возможность узкоместного прославления в пределах монастыря и вписание в синодик лишь ранее прославленного подвижника-исповедника для территориального расширения пределов его почитания — эти обстоятельства не могли быть учтены исследователем, так как не были ему известны. Но это оправдание никак нельзя распространить на отсутствие обоснования такой канонизации, тем паче, если рассматривать её не совсем законной. Тем более был необходим документ, излагающий подвиги прославляемого, т. е. его *житие*.

Исследователь умалчивает об этом не только перед нами, но и перед самим собой, и тем самым сводит на нет собственное существенное признание, что целью действий печерян в 1091 г. было прославление Феодосия святым. А оно и позволяло без всяких лишних натяжек признать, что именно ко времени этой первой «незаконной» попытки и было составлено *ЖФП*. Тогда возникает вопрос: почему к торжеству 1108 г. оно не было дополнено? Объяснение этого временной малограмотностью печерян, учитывая, что в аристократическом Печерском монастыре среди черноризцев (и не только из знати) было достаточно грамотеев и образованных книжников — неприемлемо.

Нет необходимости сваливать весь литературно-исторический труд на одного Нестора. Приписывать же пробелы радостной спешке происходящего в 1108 г., когда могли хотеть, но не успели дополнить, — было бы неверно. Нет нужды наделять наших славянских предков теми нашими приметами, которые складывались столетиями, и которыми в совершенстве овладели лишь последние поколения.

Впрочем, не удел критика — защищать оппонента, к тому же перед ним самим. Тем паче, что камней преткновения нагромодилось в избытке и их преодоление займёт ниже немало места. Но одним из них — напрямую связанным с событиями 1091 г. и их последствиями — надлежит заняться без промедления.

Нашёлся и виновник аннулирования поместной канонизации преподобного игумена печерского. Им оказался киевский митрополит, который имел право так поступить в случае нарушения церковных законов, состоявшегося либо предполагаемого, как верховный архиерей — вершитель церковной юрисдикции на Руси. Выбор, казалось бы, идеальный, поскольку так мало известно о нём и его деятельности, что шаги против ломки законности, раз таковая признавалась, не могли остаться без реакции церковных властей.

Назначенный в Константинополе преемником Иоанна III Николай мог прибыть в Киев уже на исходе 1091 г., так как сухопутный путь через Венгрию и Польшу не был перерезан тюркскими набегами¹¹⁰. Во всяком случае, его проезд состоялся в 1092 г., тем более, что рукополагавшим митрополита Руси был бесспорно действующий патриарх Николай (1084–1111 гг.). Дважды названный летописцем по-славянски Николой, митрополит прибыл на Русь безотлагательно¹¹¹. На это указывает княжеская междоусобица 1097 г., преодоленная путём переговоров, миротворческую роль в которых и сыграл митрополит Никола вместе с княгиней-вдовой Всеволода Ярославича. Киевскому Святополку, обвинённому в подстрекательстве к ослеплению князя Василька Ростиславича, угрожало изгнание. Коалиция Владимира Мономаха с князьями черниговскими не была готова принять его оправдания заговором против него с участием Василька, в 1086 г. приложившего руку к убийству Святополкова брата Ярополка. При такой тяжести, запутанности и сложности обвинения в роли третейского примирителя не мог выступить случайно, и, к тому же, только что присланный архиерей. Переговоры требовали знания языка, разбирательства в сути кровавых событий и, что самое важное, — доверия обеих сторон. И оно, несомненно, было, благодаря чему княжеская усобица, успешно преодоленная, завершилась соглашением в Уветичах. Зная о тёплых отношениях, сложившихся между Владимиром Мономахом, Святославичами и Печерской обителью, а также её примирение со Святополком, увенчанное возвращением игумена Иоанна из краткой ссылки в Туров, становится ясным, что митрополит, состоящий в конфликте с монастырём и четырьмя епископами из печерян, поставленными под митрополичий суд в Киеве, не мог бы выступить в роли примирителя.

110 Начавшиеся зимой 1090–1091 гг. военные действия печенегов и узов против Византии завершились в апреле 1091 г. их разгромом. Утверждение, что на похоронах Всеволода 16 апреля 1093 г. не присутствовал митрополит, следовательно, новопоставленный Николай ещё не прибыл в Киев, выведено *ex silentio* (Ю.А. Артамонов, *ЖФП*: 269, прим. 395). Но этот вывод — типично «потребительский». Ведь митрополит являлся епископом и мог быть назван среди них как *и попове*, т. е. пресвитеры без различия бельцов и чернцев; сразу после епископов названы игумены и черноризцы (*ПСРЛ* 1: 215–216). Итак, всё, что мы знаем: митрополит мог быть или же по разным причинам его могло и не быть.

111 Упомянут в летописи в 1097 и 1101 гг., и в обоих случаях — в роли миротворца (*ПСРЛ* 1: 263, 275). Епископ новгородский Никита упомянут на рубеже 1096–1097 гг. молящимся за князя Мстислава лишь потому, что был из печерян (*ПСРЛ* 1: 240; Патерик: 127).

Возникает вопрос: раз митрополит Никола сыграл такую положительную и миротворческую роль в этой княжеской усобице, то почему о нём в летописи упоминается так скупо?

Ответ был не раз даваем в историографии, ибо определял летопись, которую принято называть *Повестью временных лет*, как свод, составленный с участием митрополии и князей. А это была летопись печерская, от начала до конца сочиняемая в Печерской обители. Косвенное участие княжьей власти, нашедшее в ней немало места, объясняется тем, что в Печерский монастырь, спасая душу, уходили княжеские бояре и дружинники, участвовавшие в этой самой власти как исполнительный орган. Их захватывало христианство, и согласно принципам студийских киновий они желали нравственно воздействовать на власть имущих, часто с горьким осознанием собственных нарушений закона Божьего в прошлом.

Если нет оснований превращать вписание св. Феодосия в синодик — само по себе важнейшее событие в его прославлении по всей *Русьской земле* — в чуждую тогдашней церковной практике псевдоканонизацию, возникает вопрос, когда же преподобный был причислен церковью к сонму святых? Наше внимание привлекает достоверный первоисточник — летописная статья 5599 г. (1091 г.), подробно повествующая о канонизации, т. е. о воцерковлении почитания преподобного Феодосия местным святым в пределах Киево-Печерского монастыря¹¹². Посвящённая событиям четырёх августовских дней (12-го, 13-го, 14-го и 16-го чисел) летописная статья достаточно обширна (ок. 1100 слов) и её содержание касается:

1. Решения печерян о перенесении останков преподобного Феодосия в соборный храм монастыря, начатый им в 1073 г. и освящённый 14 августа 1089 г. При этом было постановлено приготовить место захоронения в правом притворе у входа в собор.

Такой вызревавший годами замысел мог быть осуществлён только при благоприятных условиях, и после освящения каменного собора. Следует учесть, что это был первый на Руси опыт прославления святым не мученика, а исповедника — труженика Христа ради. План торжества следовало разработать во всех подробностях и согласовать с ведущими его участниками — епископами из печерян на местах. Календарь действий, венчаемых прославлением 14 августа и завершаемых главным монастырским праздником — Успения Богородицы, требовал времени, двух – трёх месяцев, и, вероятнее всего, был открыт совещанием печерян в связи с годовиной кончины игумена Феодосия 3 мая, на что указывает ряд косвенных, отмеченных ниже, свидетельств¹¹³. Нельзя также не учесть опа-

112 Лаврентьевская летопись, *ПСРЛ* 1: 209–214; Ипатьевская летопись, *ПСРЛ* 2: 200–205; D. Ostrowski, Collation III: 1674–1685.

113 Пытливый исследователь подметил, что после описания августовских событий в конце статьи 6599 г. следует достоверная запись о солнечном затмении утром 21 мая 1091 г. Последующее известие о гибели в Ростове волхва могло быть сообщено печерскому летописцу именно в августе 1091 г., когда епископ ростовский Исаия участвовал в печерских торжествах. Тогда

сения на случай неудачи *обретения* и необходимости сведения перенесения до самого простого перемещения праха из пещеры на место в храме, положенное по уставу покойным игуменам.

Тот факт, что это решение было принято вопреки последней воле Феодосия быть похороненным в своей пещерной келье, где он проводил дни, особенно в пост, в уединении, в молитвах, с замуровкой входа, позволяет полагать, что весьма лапидарное обоснование перенесения праха *не добро есть лежати отъцу нашему Феодосъеви кроме монастыря и церкви своя, понеже той есть основал церковь и черноризцы совокупил*¹¹⁴, кроет более возвышенные упования, раз печерская братия решила нарушить само захоронение и завещание *отъца нашего*. Тут вполне оправданная ввиду церковных правил недосказанность: всякое перенесение останков усопшего как тревожащее его покой должно предвзвешивать не менее чем трёхдневное постничество. В данном случае назначенному сроку предшествовал строгий двухнедельный Успенский пост.

2. Наиболее подробно, можно сказать протокольно, описано открытие захоронения и *обретение* мощей Феодосия активным участником этого события, автором всей статьи, назвавшимся учеником блаженного игумена. Хотя в текстологическом плане статья 1091 г. в *Лаврентьевском списке* лучше других сохранила свой первоначальный вид, она нуждается в нескольких выяснениях и коньектурах. Тут следует напомнить давно выясненную ошибку, в результате которой *семь дни* было заменено $\bar{з}$ днии вместо «этого же дня». Получалось, что откапывающий захоронение 7 дней готовил необходимое *рогалие ими же копати*, т. е. лопаты, заступы (от гр. $\epsilon\rho\upsilon\alpha\lambda\epsilon\iota\alpha$ — орудия труда, инструменты)¹¹⁵. Больше сомнений доставила запись, что копающий в помощь *поях с собою $\bar{в}$ брата*, тогда как из дальнейшего следует, что копающих в пещере было двое, а не трое. А. Шахматов поспешил с выводом, что эта неувязка — следствие неувязок

действительно эти записи могли первоначально примыкать к записи о решении майского собрания печерян. См.: М.Х. Алешковский, Повесть временных лет. М. 1971: 25, и разделивший это наблюдение Ю.А. Артамонов, Игуменство Иоанна — первые шаги к установлению культа преподобного Феодосия Печерского // Могилянські читання 2000 року, Київ 2001: 29–39, тут 37. Но это ещё не даёт основания заключать о позднем составлении записи о перенесении и прославлении Феодосия в летопись без различия contemporaneous записей, сделанных без отсрочки в монастыре, а их введения в состав того печерского свода, который определён как первая редакция *ПВЛ* (Ю.А. Артамонов, К вопросу о времени и истории написания летописного рассказа о перенесении мощей Феодосия Печерского // Древняя Русь, вып. 33, 2008, № 3: 11–12). Ведь не все печерские записи сразу же попадали в свод. Но и колеблясь во времени редакции протокольной записи обретения и перенесения мощей видно, что в ней нет следов отдалённости от её составления, но ощущается присущая свидетелю и участнику памятного события живость в подробностях изложения, которые со временем теряли своё значение и таинственность.

114 *ПСРЛ* 1: 188; *И тако* [Феодосия] *погребуть яко же сам повеле... И тако того несъше в преже реченую пещеру положиши ѿ и запечатльевши и отидоша* ЖФП, Усп. сб.: 131, л. 64 в, г. Так как Феодосий, удаляясь для постного бдения, велел засыпать вход землёй на время своего пребывания в пещере, то в этом случае *запечатлети* значит закрыть полностью, опечатать в смысле замуровать (замазать глиной), так как в 1091 г. в результате решения печерян *повеле игумен рушити где лежать мощи его — отца нашего Феодосия* (*ПСРЛ* 1: 209), т. е. открыть вход в пещерную келейку.

115 См.: I.I. Ševčenko, To Call a Spade a Spade, or the Etymology // Harvard Ukrainian Studies 19, 1995: 607–626; *ПСРЛ* 1: 210^{2,8}.

и изменений первоначального текста об обретении мощей Феодосия¹¹⁶. Но ошибка не в самом тексте, а в его чтении. Уже переписчиками он читался как числительное количественное, тогда как нет никаких препятствий читать тут не *два*, а *второго* брата. Такая цифробуквенная запись порядковых числительных часто выступает и в *ПВЛ*, и в трудах Нестора-агиографа, и в *Сказании о Борисе и Глебе*¹¹⁷.

Отчёт свидетеля об обретении мощей Феодосия обстоятельный до подробностей (ок. 400 слов), имеет протокольный характер, что добавочно усилено четырёхкратным упоминанием себя в первом лице. Запись об *обретении* не содержит имени инока, которому доверительно, без разглашения братии, поручено было раскопать захоронение и обрести мощи Феодосия. Откапывающий не знал места захоронения в столь малой пещерке, где он и взятый им потайно в помощь «второй» инок не могли даже поместиться вместе, копая посменно. Копали, молились с вечера (вторник, 12 августа) до полуночи безуспешно и *начаша тужити*, и тогда *аз начах копати рамено*, в данном случае «обрамление», т. е. на стыке стены пещеры с полом. Захоронение, по-видимому, было в стенной нише на уровне пола. Докопаться удалось в момент, когда в монастыре ударили в било (видно, на заутреню). Копавшего охватил *ужасть и начах звати «Господи помилуй»*. Два других инока, бодрствующих по указанию игумена, но не знающих, что будут помогать при перенесении мощей, увидели три столба, *светящиеся радугой*, которые держались над монастырским собором. Радужную светлую зарю увидели также епископ Стефан и игумен Влахернского монастыря Климент, предупреждённые днём ранее. Они отправились в монастырь, решив, что уже переносят мощи неподобного. Составитель «протокола» в присутствии игумена и очевидцев (их теперь стало семеро) принялся осторожно раскапывать *и влезохом и видехом ѝ лежащъ мощьми но сустави не распалися беша и власи главнии притяскли бяху и взложьше ѝ на вариманътью и вынесоша ѝ пред пещеру*¹¹⁸.

116 А.А. Шахматов, *ПВЛ*: XXIV–XXVI, 266; разбивку статьи на разновременные тексты и изменения сам учёный отметил как догадку. Подсказанную, впрочем, словесной записью *два* в *Радзивиловской летописи*, ср.: *ПСРЛ* 38, СПб. 1996: 85. Ю.А. Артамонов (К вопросу: 30, прим. 4), не заметив возможности порядкового чтения *въ* (второго брата), видит ошибку в самом летописном рассказе, и отказался от привлечения её для поддержки своей гипотезы о двух авторах статьи 6599 года.

117 *ПСРЛ* 1: 211; 2: 203, *Сказание о Борисе и Глебе*: Усп. сб.: 63 (л. 21 а). Так нумерованы очередные чудеса иуния в *въ день, чудо въ о хромем*; в той же статье 1091 г. и часто в *ПВЛ* при индиктной датировке. А.А. Шахматов доверил тут записи писцов в других рукописях (см.: D. Ostrowski, Collation) и хотя обратил внимание на то, что в статьях 1094–1111 гг. указывается часто час дня, читал числительные как количественные (час 1) и обязательно хотел приписать Нестору. Зная богослужебный ритм суток в монастырях, не следует удивляться какому-то промозгу, блеснувшему своей учёностью, а просто бывалым монахом, принёсшим этот порядок на Русь.

118 *ПСРЛ* 1: 289; 2: 214. *Варѣс ѡвѣдѡасъ* — по-видимому, тяжёлый безрукавный чёрный монашеский плащ (вотола) из грубой сермяжной ткани либо шерсти, реже из овчины. Вероятно, наиболее безопасно было нести мощи в грубой войлочной вотоле. *ПСРЛ* 1: 209–211; 2: 200–205; D. Ostrowski, Collation 1676; сомнительно, чтобы останки Феодосия, положенные на *варимантию*, иноки могли взять в пещере и, выходя по пещерному проходу, на плечи (*вземше на рамо*), разве что рамо — тут это носилки. Нет в *Inam*. *ПСРЛ* 2: 201; доб. лишь в *Хлебн.* (рамо) и от него в *Погод*. Небесный знак, светлистая радуга над монастырём, вызвала более ранний от установленного приезд епископа Стефана, но как раз вовремя, чтобы засвидетельствовать состояние захоронения и мощей Феодосия.

Игумен требовал от всех участников предстоящего обретения хранения *отай*, тайны, неразглашения до времени. Это и понятно, ибо исход *обретения* трудно было предвидеть — в каком состоянии окажутся останки после более чем 17 лет, позволит ли оно их *обретение*, *перенесение* и успешное прославление, или же они будут в состоянии разложения и праха?

Процедура обретения мощей оказалась успешной, о чём могли засвидетельствовать: 1. епископ владимирский Стефан; 2. игумен печерский Иоанн; 3. игумен монастыря Богородицы Влахернской на Клове Климент; 4, 5. иноки-гробокопатели, т. е. автор «протокола» и его напарник, также печерский черноризец; 6, 7. два дежурных монаха, видевших мощи Феодосия в полуоткрытом виде и помогавших вынести их из пещеры.

Всё *обретение* заняло ночь с 12 на 13 августа и часть дня. О молитвенном бдении у мощей преподобного в ночь с 13 на 14 августа не упомянуто.

3. Торжественное перенесение мощей преподобного Феодосия началось на следующий день с восходом солнца. Церковное шествие возглавляли четыре архиерея — три из них наверняка печеряне, четвёртый, вероятно, также. За несущими мощи следовали игумены и черноризцы киевских и окрестных монастырей. Сошлись также благоверные киевляне. Мощи Феодосия несли, окружая благовонием ладана из кадил и огоньками свечей, а *принесше положиши и в церкви своеи ему в притворе на десней стране месяца августа в 14(-тый) день, в день четвертък, в час 1(-ый) дне, индикта 14(-тое) лето. И праздноваша светло в ть день*. Подобно после перенесения раки, их открытия и обретения мощей Бориса и Глеба 20 мая 1072 г. при прославлении их святыми *праздноваша праздньство светльо*¹¹⁹. Пропущено упоминание о богослужении у нового гроба Феодосьева, но из всего описания следует, что это была торжественная архиерейская служба, и то с участием всех четырёх епископов.

Сомнения может вызывать лишь присутствие одного из них — Иоанна, епископа черниговского. Хотя он и назван присутствующим двумя годами ранее при освящении Печерского собора, но, согласно летописной статье *ПВЛ*, скончавшийся 23 ноября 6619 г. (1111 г.) Иоанн был *болен и не моги служити, и лежа в болести лет 25, темь же князь и людье жадаху епискупле службе*¹²⁰. Выходит, что с зимы 1086/1087 гг. Иоанн был недужен, что исключало возможность его активного участия (солитургисания) в печерских празднествах в августе 1089 и 1091 гг. 14 августа 1091 г. епископ Иоанн как минимум мог ходить, раз с тремя другими архиереями и игуменами возглавлял торжественное *перенесение мощей* преподобного Феодосия (*ПСРЛ* 1:211). Он долго болел, но возможность ошибки палеографического порядка при составлении статьи 6619 г. лишена достаточных оснований. Скорее эти *•ке•* в печерской записке касались лет архиерейства, и были ошибочно поняты летописцем, вписавшим событие в *ПВЛ*. Порядок, в

119 *ПСРЛ* 1: 211; Усп. сб.: 63 л. 21 а 8–10. Мои попытки определить расстояние от выхода из пещер до входа в собор оказались безуспешными. Судя по плану Киева XVII в., из-за крутизны склона для церковного шествия пришлось избрать окольный путь, более километра.

120 *ПСРЛ* 2: 273–274, тут второе осложнение (первое см. выше прим. 107).

котором названы епископы в 1089 и 1091 гг., не связан с местом кафедр в Киевской митрополии, а со старшинством в архиерействе, т. е. по времени хиротонии. В 1089 г. Иоанн Черниговский назван последним, перед ним епископ белгородский Лука, возведённый в этот сан после 1072 г. и до 1078 г., и епископ ростовский Исаия, хиротонисанный в 1078 г. В 1091 г. Иоанн назван третьим после Ефрема Переяславского, ставшего титулярным митрополитом в 1077–1078 гг., и после епископа владимирского, поставленного ок. 1080 г. За Иоанном назван епископ юрьевский Марин, державший кафедру после епископа Михаила, упомянутого в 1072 г. Итак, прослеженное время поставления позволяет полагать, что Иоанн Черниговский был хиротонисан в 6594 г., т. е. в 1086 г., не позже начала февраля 1087 г., на вакантное место после титулярного митрополита Неофита, упоминаемого в 1072 г.¹²¹

4. Сразу же после описания канонизации св. Феодосия следует описание — всё тем же автором, выступающим от первого лица — дара прорицания, присущего святому. В данном случае оно вполне к месту, ибо Феодосий, лично знакомый с князьим мужем боярином Янем и его супругой Марией, посещал их не раз: эта знатная семья входила в круг крупных благодетелей Печерской обители, и, вероятно, в том числе и их пожертвованиями был воздвигнут и расписан Печерский собор.

Предсказание Феодосия имело свои рациональные основы. Закладывая в 1073 г. фундамент каменного монастырского собора, он мог предполагать, что после его завершения будет в нём и похоронен. Согласно монастырским уставам, в первую очередь Студийскому, усопшему игумену полагалось быть погребённым в монастырском соборе. Но зная, что пройдут годы, прежде чем вызреет возможность постоянного захоронения, он просил похоронить его в пещерке, в которой подвизался: *идеже показа труды многы*. Феодосий всем своим духовным подвигом, следуя Феодору Студиту и другим исповедникам Христовым, стремился заслужить себе венец небесный труженика во Христе. В нём жила глубокая вера награды от Всевышнего и ему было известно, что воля Господня найдёт земное признание в виде *обретения* его телесных останков и их перенесения в новоосвящённый Успенский собор. Это ожидаемое печерской братией событие нашло свой эпилог 14 августа 1091 г.

Игумен Феодосий — судя по всему, их отец духовный — имел основания полагать, что образцовая в своей набожности чета Яня и Марии щедрыми жертвованиями и записями в пользу Печерского монастыря, в том числе на постройку каменного собора, заслужила право быть похороненными в этом кафоликоне. Во время одного из посещений Феодосием дома Яня зашёл разговор *о положении тела в гробе има*. Согласно летописцу, на вопрос Марии: *кто весть где си мя положить?* Феодосий отвечает: *Поистине идеже лягу аз, ту и ты положена будеши*. Что и произошло 16 августа 1091 г.

121 Если Иоанн был ставлен в самом конце 6594 г., то это должно было случиться до начала Великого поста, в обычный для поставления воскресный день. Хиротония в митрополичьей Софии не могла состояться позднее 1 февраля, дабы успеть с настолованием в черниговском Спасе на следующее воскресенье, 8 февраля 1087 г.

Летописец пишет об этом вскоре после. Овдовевший семидесятипятилетний Янь в мае 1093 г. всё ещё входил в состав княжьей думы. Однако расхождения между «смысленными мужами» в оценке половецкой политики Святополка привели к тому, что несколькими годами позже (ок. 1097 г.) Янь удалился от мира, постригшись в монахи Печерского монастыря: *...Преставися Янь старецъ добрыи жив лет 90... В старости мастите жив по закону Божью, не хужшии бе первых праведник... Его же и гроб есть в Печерьском монастыри, в притворе, идеже лежить тело его*, похороненное 24 июня 1106 г. Летописец не упоминает, что это тот самый левый притвор, где в 1091 г. была захоронена жена Яня, — напротив притвора с гробом Феодосия¹²².

Изложенные тут взаимосочетающиеся факты позволяют утверждать, что нет оснований считать эпизод о Яневой жене вставкой в ранее составленную статью 1091 г.

Эпизод о проризании св. Феодосия — интегральная часть печерского описания событий, сопряжённых с поместной его канонизацией, — введён был в летопись не только перед 1106 г., но и до поступления Яня в монастырь ок. 1097 г. Летописец пользовался рассказами Яня, дополняя ими летописный свод, но нет никаких указаний на то, что о предсказании святого игумена он узнал от инока Яня. Последний, будучи княжьим мужем, находился в непрерывном контакте с монастырём. Очевидным фактом со дня похорон Марии, умершей 16 августа 1091 г., оставалась её гробница в левом притворе Успенского собора. Похороны в монастырском храме светской особы были исключительным явлением, возбуждающим интерес.

5. В конце описания этого проризания следует похвала блаженного Феодосия, молитвенника за обитель свою, за христиан, *за землю Русьскую*, за своих учеников, *иже взирающе на раку твою, поминають учение твое и въздержанье твое*¹²³. Ставя в исключительный пример подражание Феодосия св. Феодосию Великому, автор похвалы не забывает и себя: *молися за мя отче честный ... соблюди мя твоими молитвами*. Своими похвальными формулировками автор выражает собственную уверенность, что святому праведнику дано право молитвенно предстательствовать перед Господом не только за печерян и его лично, но за всех христиан и землю Русьскую. Вводя эту похвалу в состав летописи, печерский инок с умеренной скромностью подражал тем похвалам, которые в той же летописи адресованы Владимиру Великому и его сыновьям-страстотерпцам.

То, что автор (протоколист всей канонизирующей Феодосия процедуры) называет себя его учеником, является слабым доказательством того, что он лично знал канонизованного. Попытки же приписать текст Нестору не облегчают, а лишь осложняют дальнейшие разыскания.

122 ПСРЛ 1: 211–212, 281; 2: 203–204, 257; D. Ostrowski, Collation: 1692–1699, 2133–2155.

123 Похвала Феодосию: ПСРЛ 1: 212–214; 2: 204–205; D. Ostrowski, Collation: 1700–1711.

Исключительная репутация и слава, которой пользовался у печерян митрополит Иоанн Продром, заставляет поставить вопрос: почему местная, монастырская, канонизация не была проведена при нём, при его благосклонном невмешательстве, ослабляющем недовольство кафедрального клироса Софии?

Последним деянием Иоанна II было освящение Печерского собора 14 августа 1089 г., и в том же 6597 г., т. е. не позже февраля 1090 г., он скончался. Но, возможно, среди живых его не было уже 8 ноября 1089 г. (либо же он был смертельно немощен), так как не участвовал по приглашению титулярного митрополита Ефрема в освящении кафедрального собора архангела Михаила в Переяславле. Во всяком случае, на тот период 6597 года, когда инокиня Янка, дочь киевского князя Всеволода, отправилась сухопутьем в Цесарственный град, митрополит Иоанн, несомненно, уже оставил земную юдоль. Вероятно, путешествие Янки совершалось в месяце *грудне рекше ноябре*, когда установился санный путь. Отсюда и то необычное поручение сообщить о смерти Иоанна Продрома и просить о назначении преемника. В почти осаждённом Константинополе, в союзе с половцами противостоящем на Балканском полуострове печенегам, было принято быстрое решение, позволившее избежать продолжительной процедуры избирания и рукоположения патриархом кандидата в киевские митрополиты. Из находившихся в византийской столице архиереев, по разным причинам утративших свои кафедры, был назначен святитель, вероятно знающий славянский язык. Однако, как стало ясно после его прибытия в Киев, на нём уже лежала печать смерти — всего лишь год спустя нового митрополита не станет¹²⁴. Монашествующая княжна возвращалась в Киев тем же зимним путём, т. е. в феврале – марте 1090 г., везя с собой Иоанна III. Печерский летописец так охарактеризовал глядящего в глаза смерти митрополита: *Бе же сеи мужь некнижен, но умом прост и просторьк*. По сравнению с интеллектуалом Иоанном Продромом Иоанна III книжники-печеряне вполне могли считать малообразованным, не богословом. Но одновременно летописец отмечал, что его простота, простая речь значит тут здравый смысл, прямолинейность в суждениях, бесхитростный, открытый, простодушный характер¹²⁵.

Неслучайно печеряне решились на местную канонизацию в то время, когда киевская кафедра вдовствовала после кончины митрополита Иоанна III. Воз-

124 *От года бо до года пребыв умре* (ПСРЛ 1: 207) можно понимать не только как «круглый год», но и как «календарный год» — на Руси с марта 6597 (1090) по март 6598 (1091) гг., с первого по первый месяц нового годового кругооборота.

125 ПСРЛ 1: 207–209; 2: 199–200. Удивляет, что почти все, переводившие мнение летописца, за исключением Л. Мюллера (Nestorchronik: 247–248), оставляли неоднозначное «простой» вопреки противопоставительному *некнижен но (нъ)* в значении «зато», «однако», «тем не менее». Тут удивление тем более обоснованно, что в распоряжении переводивших были слова того же печерского летописца, высказанные о павшем в бою 3 октября 1078 г.: *Бе же Изяслав... незлобив нравом, криваго ненавиде любя правду. Не бе бо в немь лсти, но прост мужь умом, не воздая зла за зло* (ПСРЛ 1: 202), а в ЖФП Нестор-агиограф так характеризует Феодосия: *тих съмысльмь и прост умьм* (Усп. сб.: 86, л. 35 в).

можность прославления преподобного Феодосия зарисовалась первоначально, быть может, благодаря Иоанну Продрому, не как локальный почин Печерской обители, но как местная канонизация в обычных церковно-епархиальных пределах, в данном случае в Киевской митрополичьей епархии, с перспективой восприятия почитания св. Феодосия епископиями, подведомственными митрополии всея Руси. Но эта идея, если она вызревала, сошла в могилу вместе с преждевременно скончавшимся митрополитом Иоанном II. На протяжении годового пребывания в Киеве митрополита Иоанна III у печерян могло сложиться мнение, что благоприятный случай, оживляющий эту идею, повторится нескоро и следует прибегнуть к праву автономии и самоуправления, которым обладал Печерский монастырь. Решение было вынесено на общем собрании печерской братии в связи с приходящейся на 3 мая (1091 г.) годовиной покойного игумена.

Бывшие печеряне-епископы были уведомлены достаточно рано, так что и епископ владимирово-волинский Стефан, и епископ ростовский Исаия смогли, преодолев сотни километров, приехать в Киев. Это лишний раз подтверждает, что решение об обретении и перенесении останков Феодосия было вынесено в мае, а монастырский праздник Успения являлся достаточным предлогом их пребывания в Киеве.

Обязанности местоблюстителя обычно исполнял прототрон, т. е. епископ-держатель первой учреждённой, самой старшей епархии в составе митрополии. С 988–989 гг. им был епископ Белгорода, что на реке Ирпень, а с 1165 г. — епископ Великого Новгорода.

Несколько лет спустя после 1072 г. епископом белгородским стал Лука, освящавший в 1089 г. (вместе с митрополитом Иоанном II, епископом ростовским Исаией и епископом черниговским Иоанном) новопостроенный и расписанный каменный Печерский собор Успения, вероятно в канун Госпожина дня¹²⁶. Так как епископ Исаия был, вне всякого сомнения, одним из печерян, то весьма вероятно, что благоволящий монастырю митрополит пригласил солитургисать при освящении главного печерского храма епископа Луку — как выведенного в епископы именно из этой обители.

Так или иначе, но присутствовать при местной канонизации 14 августа 1091 г., как блюстителю митрополичьей кафедры, Луке не полагалось, ибо само его действенное соучастие расширяло бы пределы церковного почитания Феодосия святым на всю митрополичью епархию. Такими полномочиями блюститель Киевской епархии не располагал.

126 *ПСРЛ* 1: 207–208. Ипат. летоп. (*ПСРЛ* 2: 198) отмечает соучастие Луки, Исаии и Иоанна при освящении в 1088 г. ктитореи Всеволода, монастырского собора Св. Михаила в Выдубичах. Возможно, это добавление взято из записи об освящении Печерского собора, но, с другой стороны, сам факт солитургисания с митрополитом двух либо трёх епископов — явление обычное. Киево-Печерский патерик (с. 14, 103) признавал Луку печерянином, но не был ли образ мышления авторов патерика подобен изложенному мною предположению? О чине прототрона см.: Г. Подскальски, *Христианство*: 443, 458, 470–471, прим. 15. Став первым епископом митрополии, новгородский архиерей не перенял титула прототрона, а пользовался титулом архиепископа, вероятно, таким путём избегая нарушения церковной традиции.

Сведение Луки в могилу для оправдания его отсутствия 14 августа 1091 г. при торжественном перенесении мощей преподобного Феодосия было безропотно принято в историографии¹²⁷. Тем временем граффити с датой успения епископа белгородского Луки 22 августа, находящаяся в Апостольском приделе южной галереи Софии Киевской — это запись годовины, ежегодного дня поминовения покойного. Как лишняя отсутствует тут запись года. Не случайно епископ Лука был похоронен, согласно своему желанию и согласию митрополита, в Апостольском приделе Софии. Ведь кафедральный собор в Белгороде был во имя свв. Апостолов. На месте сгоревшего деревянного в 1197 г. был построен каменный храм¹²⁸.

127 М.Д. Присёлков, Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XIII вв. СПб. 1913: 155–156; С.А. Высоцкий, Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв., вып. 1. Киев 1966: 45–47, табл. XIII–XIV; Б.А. Рыбаков, Русские датированные надписи XI–XIV вв., М. 1964: 18–19, № 7, табл. XX.

128 П.А. Раппопорт, Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л. 1982: 28–29 (№ 38). Среди князей и иерархов заметно желание быть похороненными в каменных храмах, значительно реже уничтожаемых огнём пожаров. Не удивительно, что Феодосий предпочёл до времени перенесения в каменный собор почить под спудом суглинка пещеры, нежели в *ветьсеи* деревянной церкви, в которой был похоронен его предшественник — игумен Варлаам. В 1096 г. этот храм был сожжён половцами (*ПСРЛ* 1: 232).